

Нестеренко Т.П.

ЧАСТИ РЕЧИ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Мақалада сөздерді сөз таптарына жіктеу, сөз таптарының морфологиялық белгілері мен олардың орыс және араб тілдеріне бөліну белгілерін зерттеу мәселелері қарастырылады.

Сонымен қатар, бірнеше тілдерде сөз таптарына салыстырмалы талдау жасалады.

In given work we researched the classification of words of parts of speech, morphological signs of parts of speech and approach to their distinguishing in Russian and Arabic also, we made comparative analyses of parts of speech in comparative languages.

Ключевые слова: классификация, морфологические признаки, морфологический подход.

Части речи — это классы, объединяющие слова по их грамматическим характеристикам. Слова относятся к одной части речи на основе общности значения, морфологических форм, словообразовательных признаков и синтаксических свойств. Так, лексемы *книга, река, кошка, человек, красива, автобус* относятся к одной и той же части речи потому, что все они называют предмет и соответствуют вопросу *Кто или что это?*, имеют одинаковые морфологические значения (род, число, падеж), в предложении могут быть подлежащим и дополнением, могут присоединять к себе согласованное определение. *Черт побери, тьфу, баяшки, ой* также являются единицами одной части речи, так они одинаково выражают эмоции и не имеют ни морфологических, ни синтаксических положительных признаков; *снизу, вкривь, впотьмах, поодиночке* — это еще одна часть речи: все приведенные лексемы не имеют морфологических форм, в предложении выполняют функцию обстоятельство, характеризуют глагольное действие (называют признака).

Классификация слов по частям речи восходит еще к античной Греции. В основу деления была положена совокупность семантических и грамматических признаков, их соответствие логическим категориям. Как известно, александрийские грамматики в отличие от аристотелевской классификации на три части речи разделяют слова на восемь частей речи. Эта последняя классификация с некоторыми изменениями вошла в европейские грамматические системы средних веков и не возбуждала никаких сомнений до середины 19 века. И лишь изучение слов иной языковой структуры, чем греческий и латинский, на базе которых первоначально была выдвинута классификация частей речи, показало, что эта классификация в значительной степени условна, что она не может быть единой для всех языков, а зависит от грамматического строя языка.

Иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи, по-разному понимается в разных лингвистических школах. Традиционно на первый план выдвигались морфологические признаки, что обусловлено ориентацией европейского языкознания на флективные и агглютинативные языки. Расширение типологической перспективы привело к осознанию не

универсального характера морфологических признаков. При типологическом анализе универсальное определение частей речи основывается на синтаксических характеристиках, тогда как морфологические параметры выступают в качестве дополнительных, значимых для флективных и агглютинативных языков. В качестве дополнительных выступают и семантические свойства, существенные прежде всего для идентификации частей речи в разных языках.

Морфологический подход к выявлению частей речи полностью удовлетворить не может. При выявлении частей речи по грамматическим формам даже в языках, богатых формами словоизменения, за пределами остаются слова, лишенные этих форм, так как во всех известных науке языках имеются неизменяемые неоднородные по составу слова как например, наречия, частицы, междометия (Кочергина В. А., 90-91).

Даже в языках, богатых формами словоизменения, установление частей речи через частнограмматические категории не всегда возможно. Например, можно ли говорить, что существительному свойственна категория грамматического рода, если в большинстве языков мира этой категории нет. Еще пример: при бесспорном наличии прилагательных в русском и турецком языках по частнограмматическим категориям и по морфологической структуре они совершенно различны. Частнограмматическими категориями прилагательного в русском языке являются категории падежа, числа и согласовательного класса (как соединение грамматических категорий рода и одушевленности-неодушевленности), т.е. те же частнограмматические категории, которые характерны и для русского существительного. Турецкое же прилагательное не имеет ни одной частнограмматической категории, свойственной существительному русского языка (например, категории рода, числа, определенности – неопределенности) (Кочергина В. А., 91).

Морфологические признаки частей речи могут в известной мере являться опознавательными знаками частей речи, но не общим критерием их установления.

Критерий словоизменения при установлении частей речи оправдывает себя частично в морфологически развитых языках, прежде всего в индоевропейских, семитских и тюркских. Этот критерий непригоден для китайско-тибетских и некоторых других языков Дальнего Востока, так как приводит некоторых исследователей даже к отрицанию частей речи в этих языках. В китайском, тайском, вьетнамском языках имеются слова, не различающиеся морфологически, о которых обычно говорят, что в зависимости от синтаксической функции одно и то же слово выступает то как существительное, то как прилагательное, то как глагол (Кочергина В. А., 91).

Словообразовательные процессы не всегда влияют на принадлежность слова к той или иной части речи. Разные по производству слова могут относиться к одной части речи (лес, лесник, лесничий, перелесок, лесничество и др.), а слова, подобные по словообразованию, могут не принадлежать к одной части речи (хороший, зрячий, большая – прилагательные; рабочий, лесничий, столовая – существительные) (Кочергина В. А., 91).

Синтаксические критерии установления частей речи основаны на том, что члены предложения и части речи выявляются по одним и тем же грамматическим категориям. Но если, например, существительное как часть речи связано с категорией грамматического подлежащего, а через него и с категорией субъекта логического суждения, то следует заметить: субъект выражается в речи чаще всего формой грамматического подлежащего, а функции существительных шире и разнообразнее. В большинстве языков существительные могут выступать в качестве любого члена предложения. При этом у различных частей речи наблюдается сходство синтаксических функций. Так, в русском языке обстоятельство образа действия может выражаться наречием или конструкцией с существительным. Или, например, прилагательные китайского языка сходны по синтаксической функции с глаголами, существительными и особенно с числительными (Кочергина В. А., 92).

Таким образом, ни частнограмматические формы и значения слов, ни типы словообразования, ни синтаксические функции сами по себе не выступают определяющими при отнесении слова к определенной части речи. Части речи – каждая по-своему и в различных языках по-разному – морфологичны или неморфологичны, синтаксичны, в известном смысле логичны.

Арабские и еврейские грамматики средних веков разделяли слова на имя, глагол и служебные частицы. Для семитских языков такое деление производится в первую очередь на основе морфологии, но в значительной степени также и синтаксиса. И действительно, рассматривая слова этих языков, мы можем увидеть то глубокое морфологическое различие, которое существует между двумя обширными категориями слов – имён с его внутренними подразделениями и глаголом. Это не устраняется теми

группами слов, которые, как мы увидим ниже, занимают как бы промежуточное положение и в которых некоторые грамматические признаки, свойственные одной какой – нибудь части речи, частично встречаются и в другой части речи. За вычетом этих двух основных групп слов остаётся весьма небольшое число не имеющих формы неизменяемых слов, несущих лишь служебные функции. Эти последние могут быть названы в семитских языках служебными частицами, дальнейшее подразделение которых на предлоги, союзы и неизменяемые наречия, хотя и проводится, но не всегда возможно, так как некоторые частицы могут быть как предлогами, так и союзами, либо наречиями. Необходимо отметить, что это деление является статичным, без учёта исторического развития. Если же рассмотреть историю соответствующих слов и форм, то можно установить во многих случаях происхождение глагольных форм из именных основ и, наоборот, многих имён из глагольных основ. Можно также выделить ряд слов, ставших уже служебными, но не потерявших еще связь со знаменательными словами. Обратим теперь внимание на основные характеристики этих частей речи.

ГЛАГОЛ квалифицируется как таковой благодаря своим категориям лицам и времени. В формах спряжения в одном слове представлена предикативная связь высказывания с субъектом действия, который обозначен посредством перформатива или афформатива. Иными словами, в глагольной форме обязательно обозначено лицо, то есть кому именно говорящий приписывает совершение данного действия или нахождение в данном состоянии: себе ли самому (1-е лицо), тому лицу, к которому он обращается (2-е лицо), или же какому – либо стороннему (3-е лицо). Связь высказывания с обозначением субъекта действия в семитском глаголе присутствует всегда, она составляет его неотделимую часть. Если даже взять слова без аффиксов типа арабского глагола *كتب* /*kataba*/, то оно же воспринимается как содержащее в своем значении лицо субъекта, а именно 3-е лицо (он писал), что выводится из противоположности формам с аффиксами *كتبت* /*katabtu*/ *كتبت* /*katabta*/ и т. д.: иными словами, аффикс здесь «нулевой».

Глагольные формы включают в себя как морфологически, так и по значению отношение ко времени действия, отношение к законченности, длительности и другим аспектам.

Глагол имеет развитию систему производных слов, обозначающих различные модификации основного значения в смысле качества и направленности действия. Эти основы также изменяются (спрягаются) по лицам и временам, образуя как бы систему параллельных спряжений.

Грамматические, главным образом морфологические, особенности являются решающими для выделения в семитских языках глагола в качестве части речи.

ИМЯ также по своим морфологическим особенностям чётко выделяется в семитских языках в качестве особого разряда слов. Главной морфологической характеристикой имени является склонение по падежам. Флексия имени показывает: падеж субъекта и именного сказуемого – именительный, падеж «приглагольный» (падеж объекта и одновременно адвербиальный) – винительный, падеж «приимённый» и «предложный» - родительный. Полную флексию по всем трём падежам имеют языки арабский и аккадский (по крайней мере в древних памятниках).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ в семитских языках не может быть выделено в качестве самостоятельной части речи, параллельной или противоположной *имени существительному*, на следующем основании: во – первых, нет никаких морфологических признаков, которые отличали бы склонение прилагательного от склонения существительного; во – вторых, те слова, которые мы по их значению приравниваем к русским прилагательным, поскольку они могут обозначать признак, в других синтаксических конструкциях обозначают предмет, лицо абстрактное понятие и т. д., причем это явление нельзя представить как субстантивацию прилагательного, а оно зависит только от того места, которое прилагательное занимает по отношению к другим членам предложения. Так, в арабских словосочетаниях *كاتب الإضارة* /*kaatibu-al-idaarati*/ «писец управления» и *صايب كاتيب* /*saabiiun kaatibun*/ «пишущий мальчик» в первом случае слово *كاتب* / *kaatibu*/ аналогично имени существительному как по значению, так и грамматически, так как после него стоит родительный падеж другого имени, а во втором случае его можно приравнять к имени прилагательному, согласованному с тем словом, с которыми оно связано.

Таким образом, в семитских языках нет оснований к выделению категорий существительных и прилагательных в качестве различных, противостоящих друг другу частей речи. Если внутри категории имени они подразделяются, то главным образом по семантике, которая в большинстве случаев сама зависит от синтаксической роли данного слова.

Точно так же нет основания выделять в отдельную часть речи *счётные слова*, то есть *числительные*. Числительные количественные в семитских языках являются именами существительными (в том смысле, как мы это определили) и как таковые они управляют родительным падежом считаемого имени либо винительным (после названий мер и веса).

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ количественное может стоять и после имени исчисляемого, согласуясь с ним в падеже, в этом случае его можно считать приложением, например: *ثلاثة رجال* /*rijaalun thalyathatun*/ «трое мужчин» (буквально «мужчин – тройка»). Что касается числительных порядковых, то они носят характер прилагательных, то есть согласуются с существительными.

МЕСТОИМЕНИЯ грамматически не являются единым разрядом слов, который мог бы быть выделен в качестве особой части речи; по синтаксическим связям они равнозначны либо существительным, как, например, личные местоимения, либо прилагательным – как многие указательные местоимения, либо наречия – как некоторые указательные и вопросительные «наречия – местоимения» (араб. *هناك* /*hunaak*/ «там», *أين* /*aina*/ «где?»).

СЛУЖЕБНЫЕ (неизменяемые) частицы, куда должны быть отнесены предлоги, союзы и наречия в собственном смысле. Эти слова либо никогда не знали словоизменения, либо представляют собой застывшие формы имён, в других значениях изменяющиеся.

Арабские авторы к служебным частицам, или как они их называют к «к частицам, придающим значение» (*حَرْفٌ جَاءَ لِمَعْنَى* /*harfun jaa limaana*/), относят небольшое число слов, утративших всякую связь с формоизменением и имеющих довольно обширный круг значений, причём некоторые из них могут быть то предлогами, то союзами. Большинство же наречий, в особенности наречий времени и места, арабские авторы относят к несклоняемым именам.

Что касается слов, имеющих значения наречий или предлогов, но выраженных падежными формами имён, то арабские авторы их рассматривают в синтаксисе падежей.

Неизменяемые служебные слова имеют различное происхождение. Одни из них связаны с местоимёнными основами, другие – с именными, причём имеется ряд переходных случаев от какого – либо имени в определённом падеже до имени, почти полностью утратившего связь с грамматической формой; наконец, имеется ряд частиц, которые в их современном состоянии совершенно невозможно связать с каким – либо корнем или основой.

Эти неизменяемые слова рассматриваются нами в одном разделе, мы их подразделяем на наречия, предлоги и союзы с оговоркой, что это подразделение является условным и относительным.

Таким образом, в семитских языках выделяются две крупные рубрики слов – имя и глагол. Это деление основывается на морфологической характеристике этих слов, типе синтаксических связей, семантике. Однако при всей чёткости этого деления существуют некоторые как бы *промежуточные* между этими частями речи типы. Есть имена, имеющие некоторые грамматические характеристики, присущие глаголам, и наоборот. Происходит это, вероятно, оттого, что в течении длительного развития языков многие слова постепенно переходили из одной категории в другую и изменяли свой характер. В большинстве случаев мы застаём этот процесс уже законченным, и о том, что произошел переход, мы можем судить лишь по результатам далеко идущих сопоставлений между аналогичными формами в разных языках. Остатком этого часто является наличие в словах данного типа некоторых грамматических особенностей, не присущих этому типу слов, например, глагольный способ управления некоторых имён.

Литература

1. Кочергина В. А. Введение в языковедение. -М., 1970.
2. Супрун А. Е. Части речи в русском языке. -М.: Просвещение, 1971.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. - М., 2002.
4. Гранде Б.М.. Введение в сравнительное изучение семитских языков. -М., 1998.